

РЕЦЕНЗИИ

ПУТЕШЕСТВИЕ ОТ РОНАЛЬДА КОУЗА К ДЕНИ РОДРИКУ

Рецензия на книгу: Яковлев А. А. *Агенты модернизации*.

М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2006. 432 с.

А. Е. АБРАМОВ

Брокерская компания ООО «АТОН»

Будущее России и вектор ее развития вызывают опасения. Несмотря на позитивные сдвиги в макроэкономике, ключевые вызовы, с которыми столкнулась страна, остаются без ответа: демографическая проблема, отсутствие военной и пенсионной реформ, увеличение разрыва между богатыми и бедными. В этих условиях очень хочется узнать, что может изменить данные тенденции и заставить соотечественников поверить в будущее? Поиску ответа на этот вопрос и посвящена книга одного из ведущих российских экспертов в области структурной и промышленной политики А. А. Яковлева, которая называется «Агенты модернизации».

Книга отличается от других публикаций на тему перехода России к рыночной экономике, формирования рыночных институтов и стимулов субъектов предпринимательской деятельности, таких как монография «Гибель империи: уроки для современной России» [Гайдар, 2006] или работы «Стимулы и институты: переход к рыночной экономике в России» [Явлинский, Брагинский, 2007]. Автор «Аген-

тов модернизации» в большей мере концентрируется на рассмотрении экономических проблем и формулировании предложений в области промышленной политики, не выходя в поле дискуссий о политической системе. Это серьезное исследование различных экономических феноменов в переходной экономике, мотивов и стимулов поведения предпринимателей и органов власти, опыта успешной промышленной политики за рубежом и возможностей его применения в России. О сложностях и проблемах переходной экономики России А. А. Яковлев повествует со светлым оптимизмом (это редкое позитивное качество современного исследователя с либеральными взглядами) и знанием человека, посвященного в «кухню» обсуждения и решения данных проблем.

Перечень мер, необходимых для формирования эффективной рыночной экономики, достаточно известен. Ссылаясь на авторитет Эрнандо Де Сото, автор книги к таким мерам относит создание законов, защищающих права собственности,

ликвидацию административных барьеров, приватизацию неэффективных государственных компаний. Однако ключевым является вопрос о том, кто может стать агентом указанных преобразований? Отвечая на него, в первой части книги А. А. Яковлев обосновывает идею о том, что в целом в России имеется вполне разумная и инициативная предпринимательская среда, которая в суровых условиях безвременья 1990-х гг. с помощью наличного денежного оборота, бартера и денежных суррогатов, через муки челночного бизнеса сумела сохранить иммунитет и здравый смысл, даже несмотря на неадекватность государственной экономической политики и поведения чиновников. С присущим ему оптимизмом и скрупулезностью в первой части книги автор, пожалуй, убеждает читателя, что предприниматели, прошедшие трудности 1990-х гг., вполне могут справиться с решением других не менее сложных задач, в частности с созданием конкурентоспособной экономики. Во второй части книги высказывается и обосновывается мнение, что агентами преобразований могут выступить здравые силы, сохранившиеся в среде современной олигархии и не подсевшие на ренту, такие как наиболее активные лидеры компаний «второго эшелона», молодые и обладающие рыночным мышлением руководители регионов, а также выходцы из бизнес-ассоциаций и сообществ.

Вряд ли стоит подробно рассказывать обо всех интересных сюжетах «Агентов модернизации», поскольку у читателя может возникнуть искушение ограничиться данной краткой рецензией и не прочитать саму книгу. Остановимся лишь на ее отдельных фрагментах, которые произвели на автора рецензии наибольшее впечатление.

Несомненно, внимание специалистов и широкого круга читателей, интересующихся злободневными проблемами рос-

сийской экономики, привлечет анализ конкретных экономических феноменов переходной экономики — рынка «черного нала», бартера, взаимозачетов, векселей и иных денежных суррогатов, челночного бизнеса и трансформации моделей корпоративного управления в крупных бизнес-структурах. Дело не только в том, что для анализа указанных секторов переходной экономики России в книге использована уникальная эмпирическая база, но и в том, что в выводах и оценках автора можно найти много нового и интересного.

Обратимся к проблеме «черного нала» как наиболее наглядному примеру параллельной экономики, на который по оценкам, приводимым в книге (с. 17), приходится около 15–20% денежных расчетов в промышленности. Согласимся с автором монографии в том, что «черный нал» и тесно связанные с ним фирмы-однодневки остаются «головной болью» и в настоящие дни. Об этом свидетельствует не только сохраняющаяся относительно высокая доля наличных денег в агрегате М2, но и удивительные данные официальной статистики об источниках доходов населения в Москве. Лишь четвертую часть доходов жителей столицы, где сосредоточено чиновничье сословие всех уровней, составляет официальная заработная плата, а остальную часть — так называемые прочие доходы, включая деньги в конвертах. В других регионах на «прочие доходы» приходится в среднем 20% доходов населения. Ожесточенные дискуссии о неэффективности действующей системы банковского надзора и повышенный интерес общества к расследованию убийства одного из высших руководителей Банка России — лишнее тому свидетельство.

На обширном эмпирическом материале социологических исследований в книге показаны история создания и внутренние механизмы данного явления.

Малый бизнес был вынужден перейти к расчетам наличными после введения непосильных ставок налога на добавленную стоимость и социального налога в 1992 г. Предприятия, которые не желали рассчитываться неучтенными наличными с работниками, поставщиками и арендодателями, становились просто неконкурентоспособными. При небольших банках сложилась развитая индустрия обналичивания и отмывания денежных средств через подставные фирмы. Комиссия за обналичивание, составлявшая 1–2% от оборота, свидетельствовала о том, что риски уголовной и административной ответственности организаторами схемы оценивались как нулевые. Для сравнения: сегодня за абсолютно легальные переводы денежных средств населения через Сбербанк России (за исключением некоторых социально значимых платежей), например, при оплате услуг за пользование интернет-ресурсами, банком взимается плата в размере 2,5% от суммы платежа, т. е. обналичка обходилась дешевле, чем официальные переводы безналичных средств.¹

Уникальность результатов исследования проблем «черного нала», если ее сформулировать образно, такова, что на вопрос Правительства о том, кто в этом виноват, последнему стоит посмотреться в зеркало. Если для предпринимателей и работников расчеты неучтенными наличными являлись способом поддержания минимального уровня конкурентоспособности и выживания, то для федеральных властей, призванных следить за поступлением налогов с физических лиц и предпринимателей, это было этикой поведения в общей системе. Федеральные налоговые, правоохранитель-

ные и банковские органы старательно закрывали глаза на обналичивание и отмывание денег, поскольку никогда не знали, к какому истоку мог привести их поход по ручейку неучтенных наличных. Как иначе объяснить наличие в реестрах МНС более трети юридических лиц, никогда не представлявших положенной финансовой отчетности, или отсутствие до сих пор массовой практики проведения встречных налоговых проверок? Мотивы региональных властей, по мнению автора, были, а может, и остаются более благородными — они не хотят терять на своей территории предпринимателей, у которых всегда можно было попросить пожертвования в пользу территории и населяющих ее жителей.

Глубокий анализ проблем бартера, взаимозачетов и расчетов денежными суррогатами хотя и представляет несомненный интерес, скорее относится к ретроспективным проблемам. Несмотря на то что десять лет назад Россия поставила мировой рекорд по глубине и масштабам этого явления, сегодня ситуация в экономике иная: высокая денежная ликвидность, уход со сцены ГКО вместе с разработчиками этих схем, изменения в маркетинге компаний привели к минимизации использования данных инструментов. Актуальность же выводов из этой истории сохраняется: вводя радикальные экономические преобразования, Правительству всегда нужно думать о том, как это повлияет на мотивы и стимулы реальных субъектов хозяйствования. Бартер и взаимозачеты — классический пример того, как средние и крупные предприятия, не готовые к реструктуризации, могут найти эффективные решения консервации бизнеса и хозяйственных связей на сложившемся уровне и не платить при этом налогов.

К примерам стремления общества к модернизации экономики можно отнести

¹ Справедливости ради необходимо заметить, что решительные меры, предпринятые за последний год правоохранительными органами, несколько повысили стоимость обналичивания ресурсов.

анализируемый в третьей главе разворот от «ужасного к прекрасному» в области корпоративного управления, который произошел в головах инсайдеров крупнейших акционерных обществ и на практике в начале 2000-х гг. В основе данного феномена лежат сдвиги в макро- и микроэкономике, имевшие место в конце 1990-х гг.: крушение пирамиды ГКО, откачивавшей деньги из реального сектора; консолидация распыленной после массовой приватизации собственности в руках инсайдеров и позитивные сдвиги в налоговой политике Правительства. Однако при оценке «светлого корпоративного будущего российских компаний» (глава 3.3 раздела II) не со всеми выводами автора «Агентов модернизации» можно согласиться. В условиях прямой экспансии государства и его чиновников в управление крупнейшими акционерными обществами минорный оптимизм по поводу будущего модели корпоративного управления выглядит как-то двусмысленно. Конечно, в 1999–2000 гг. практика корпоративного управления на крупнейших компаниях стала радикально меняться в лучшую сторону. Символом таких перемен была нефтяная компания «ЮКОС», которая к тому времени сумела отбиться от рейдерской атаки одного из западных инвестиционных фондов и стала лидером среди крупных российских АО в области внедрения в повседневную практику международных стандартов корпоративного управления. К сожалению, с 2004 г. практика корпоративного управления в России наряду с позитивными тенденциями начала меняться в худшую сторону, прежде всего из-за переориентации государства в лице органов власти к прямому вмешательству в рынок прав собственности и управление крупными корпорациями. Получившуюся к настоящему моменту российскую модель корпоративного управления, пожалуй, можно отнести к моде-

ли «приятельского капитализма», имевшей место в Индонезии в период правления режима Сухарто [Явлинский, Брагинский, 2007, с. 252].² С учетом этого как-то странно выглядит осторожный призыв автора «Агентов модернизации» о защите интересов доминирующих акционеров (с. 131). Хочется надеяться, что под инсайдерами не понимаются держатели контрольных и блокирующих пакетов акций, принадлежащих государству, увлеченные строительством «властной вертикали» и наступлением на права частного бизнеса.

В книге А. А. Яковлева можно найти много нового и интересного о челночном бизнесе. Удивили цифры о том, что в период расцвета данного бизнеса в нем работало 10 млн человек, которые ввозили в страну около трети от стоимости импорта (с. 133–134). Среда челноков дала экономике страны массу жизнеспособных мелких и средних предпринимателей, за что ей стоит высказать особую благодарность.

Пытаясь обобщить историю четырех кейсов (case studies), приведенных в первой части «Агентов модернизации», невольно задумываешься о том, какой должна быть адекватная политика государства, чтобы бизнес не пытался уклоняться от родного государства всеми своими силами. Забегая вперед, скажем, что в поисках лучшей доли автор книги зовет нас в волшебную страну просвещенной промышленной политики. Однако, собираясь в новый дальний путь, хотелось бы вкратце вспомнить аналогичные походы из недалекого прошлого.

² Заметим, что в упомянутой книге Г. А. Явлинский относит современную модель корпоративного управления в стране к «олигархическому капитализму», при котором «около дюжины крупных финансово-промышленных групп (ФПГ) осуществляют практически полный контроль над экономикой и государством» [Явлинский, Брагинский, 2007, с. 252].

В 1990-х гг. вышла книга М. Бойко, А. Шляйфера и Р. Вишны «Privatizing Russia» [Boysko, Shleifer, Vishny, 1996]. Некоторые из ее авторов в последующем попали в категорию «агентов влияния» (просьба не путать с названием книги А. А. Яковлева) в статьях ряда СМИ. До выхода самой книги многие теоретические положения, которые легли в ее основу, активно обсуждались при принятии стратегических решений в области приватизации и либерализации рынка. Сегодня ни один труд об экономике переходного периода, включая и монографию А. А. Яковлева (с. 104), не обходится без критики упомянутой работы гарвардских исследователей. Данная критика, пожалуй, небезосновательна; методы, формы и подходы к приватизации в России не были идеальными, а главное — не позволили, как почему-то многие из нас надеялись, за 5–7 лет сделать Россию экономическим раем.

Вместе с тем, по нашему мнению, ряд идей книги [Boysko, Shleifer, Vishny, 1996] может быть более понятен и близок с точки зрения мотивов и стимулов героям всех ранее упомянутых четырех кейсов (участников рынка «черного нала», бартера и денежных суррогатов, пользователей моделей корпоративного управления и челноков), чем идеи промышленной политики. Это касается идей Рональда Коуза о том, что при условии совершенного и конкурентного рынка, когда трансакционные издержки стремятся к нулю, права собственности и другие законные права будут распределены между участниками рынка наиболее эффективным образом. Для создания такого эффективного рынка необходимы деполитизация бизнеса (т. е. устранение вмешательства государств в управление компаниями), передача прав контроля и прав на денежные потоки в руки собственников частных компаний (включая акционеров в АО), а также создание ин-

ституты рынка, обеспечивающих защиту прав собственности и исполнение контрактных обязательств [Boysko, Shleifer, Vishny, 1996, ch. II, III]. Именно этим должны заниматься государство и его чиновники, чтобы у бизнеса не возникало подозрений относительно неадекватности их действий. Актуальность указанных идей Коуза для сегодняшней России, строящей государственный капитализм, не только сохраняется, но и многократно усиливается.

Новые времена рожают новых кумиров. Нынешнему поколению политиков и чиновников более близкими кажутся идеи другого гарвардского экономиста — выходца из Турции Дэна Родрика, который концентрируется на проблемах активной промышленной политики. Однако та легкость, с которой мы встречаем новых кумиров и забываем добрые старые истины, не может не беспокоить.

Целесообразность проведения промышленной политики сегодня вряд ли кем-то отрицается. Расхождения точек зрения касаются главным образом масштабов, глубины и форм ее осуществления. В разделе 6.1 своей книги А. А. Яковлев приводит уникальную систематизацию предложений современных российских экономистов и ведомств по вопросам промышленной политики. Он показывает, что при разработке программы Г. Грефа, предопределившей направление развития экономической политики России в первые годы президентства В. Путина, в итоге возобладал весьма осторожный подход к идее проведения промышленной политики (с. 248).

В последующих разделах шестой главы книги приводятся интересные оценки эффективности мер поддержки бизнеса со стороны федеральных (с. 272–273) и региональных властей (с. 286–288). Результаты опросов представительной выборки руководителей предприятий показывают, что большинство из них в той или иной

мере ощущали поддержку государства, особенно в тех компаниях, где государство и региональные власти являлись собственниками. Однако, откровенно говоря, из цифр как-то не видно, что эта поддержка была очень ценной. Скорее она носила характер «междусобойчика», предполагавшего более отзывчивое отношение органов власти к тем предпринимателям, которые активнее всего демонстрировали свою лояльность к данным ведомствам и чиновникам.

Примерно в 2004 г. по мере перемещения центра принятия стратегических экономических решений из Минэкономразвития России в Правительство России, что связано с приходом М. Фрадкова, стал вырисовываться резкий поворот к промышленной политике и прямому участию государства в процессах модернизации экономики (с. 289). Тут и оказались востребованными идеи Д. Родрика о необходимости встраивания экономик развивающихся стран в глобальные цепочки создания стоимости, налаживания механизмов частно-государственного партнерства при раскрытии затрат и выходе компаний на новые рыночные ниши и т. п.

На наш взгляд, несомненное достоинство позиции А. А. Яковлева по проблемам промышленной политики, представленной в разделе 6.5 «Агентов модернизации», состоит в акценте на косвенные методы государственного стимулирования промышленной политики, призванные прежде всего создавать стимулы у предпринимателей к модернизации бизнеса и освоению новых рыночных ниш. Вот их краткий перечень: ориентация не на прямые макроэкономические результаты, а на демонстрационный эффект; поддержка не секторов, а новых видов деятельности; существенное софинансирование государства при сохранении управления проектами в руках бизнеса; децентрализация государственной поддержки

и формирование сети «институтов развития»; взаимодействие со старыми институтами; формирование доверия к новым институтам через личную репутацию управляющих; мониторинг и внешняя оценка; реализация функций поддержки через бизнес-посредников; предоставление услуг вместо денег; поддержка кооперации и взаимного обучения; эффективный обмен информацией между бизнесом и Правительством. В этом смысле «Агенты модернизации», насколько мне известно, являются первым, столь детальным исследованием в России, в котором осмыслен опыт новационных экономик Чили, Израиля, Мексики, Южной Кореи и некоторых других стран и на этой основе сформулированы практические рекомендации, необходимые для проведения эффективной и некоррупционной промышленной политики. Это нужно признать реальной новацией автора книги.

Самый дискуссионный и интересный вопрос монографии — фамилии, имена и отчества людей, которых можно считать потенциальными «агентами модернизации» (не исключено, что ими могут стать целые партии, ведомства, организации и ассоциации). Не берусь спорить о личностях и готов поверить наитию автора «Агентов модернизации». Однако главное заключается в том, что рыночная экономика и ее новые лидеры не могут появиться при отсутствии реальной демократии как базовой ценности нашего общества; в то же время демократы никогда не станут действительными агентами модернизации, если «солнце демократии» в России будет всходить лишь тогда, когда экономика погружается в очередной кризис.

На этом хотелось бы остановиться чуть подробнее.

В пятой главе второй части книги А. А. Яковлева (с. 219–222), исходя из предположения М. Олсона о том, что об-

пественные интересы реализуются лишь через политическую конкуренцию, предполагающую столкновение различных групповых и корпоративных интересов на политическом рынке, сформулирована интересная «гипотеза маятника» в развитии общества. На одном полюсе маятника имеют место консолидация государства и концентрация усилий власти на реализации государственных интересов при подавлении интересов иных социальных групп. В другой крайней точке, напротив, абсолютно доминируют групповые интересы бюрократии в ущерб интересам государства. Лишь в середине движения данного маятника на короткое время достигается состояние стабильности и равновесия, когда возникает баланс групповых и государственных интересов.

Опираясь на эти идеи, рискнем предложить несколько иную интерпретацию гипотезы общественного развития России, движущей силой которого является цикличность экономической конъюнктуры. В данном случае одним крайним положением этого маятника («точкой централизации») является такое состояние общества, когда властные полномочия концентрируются в центре; другая крайняя точка («точка децентрализации») — такое состояние властных полномочий, когда они в максимальной степени делегируются региональным элитам и различным общественным институтам. При благоприятной экономической конъюнктуре, когда рента приносит высокие доходы, власть в стране концентрируется на уровне федерального центра и приобретает преимущественно авторитарный характер. Если экономическая ситуация ухудшается, то доходы от ренты не позволяют на минимально приемлемом уровне финансировать социальные нужды и экономический рост, происходит процесс «квазидемократизации общества», суть которого состоит в делеги-

ровании властных полномочий и сопутствующей им ответственности региональным элитам и временным общественным институтам.

Раскачивание этого маятника, причем по все более высокой амплитуде, — крайне негативное явление. Оно означает, что власть и общество не проявляют необходимой воли к созданию такого общественного устройства, которое активно влияет на экономический рост, генерируя этот рост вне зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры. Вместо этого общество и его властная элита пытаются приспособиться к циклической динамике доходов от ренты, откладывая назревшие экономические реформы. Предназначение агентов модернизации — остановить этот маятник.

Для обоснования указанной гипотезы на рис. 1 приводится динамика трех ключевых для России экономических показателей в разных фазах колебания маятника. Нефть — мерило рентных доходов и щедрости государства в социальной сфере; 67% экспортных доходов СССР в 1980 г. и примерно столько же в современной России составляют поступления от нефти и иных энергоносителей (см.: [Гайдар, 2006, с. 185], а также данные платежного баланса России за 9 месяцев 2006 г.). Цена золота интересна как интегральный показатель ликвидности глобальных денежных рынков; ее рост указывает на прилив долларовой денежной массы, падение — на ужесточение денежной политики центральных банков или рецессию экономики на Западе. Рост реального ВВП России является мерлом успешности «суперэлиты» и ее экономической политики (с. 233).

Для того чтобы на графике были видны среднесрочные тенденции динамики указанных трех индикаторов, приводятся кривые их полиномиальных трендов четвертого уровня. Близкие к единице, т. е. к максимальному уровню, показатели

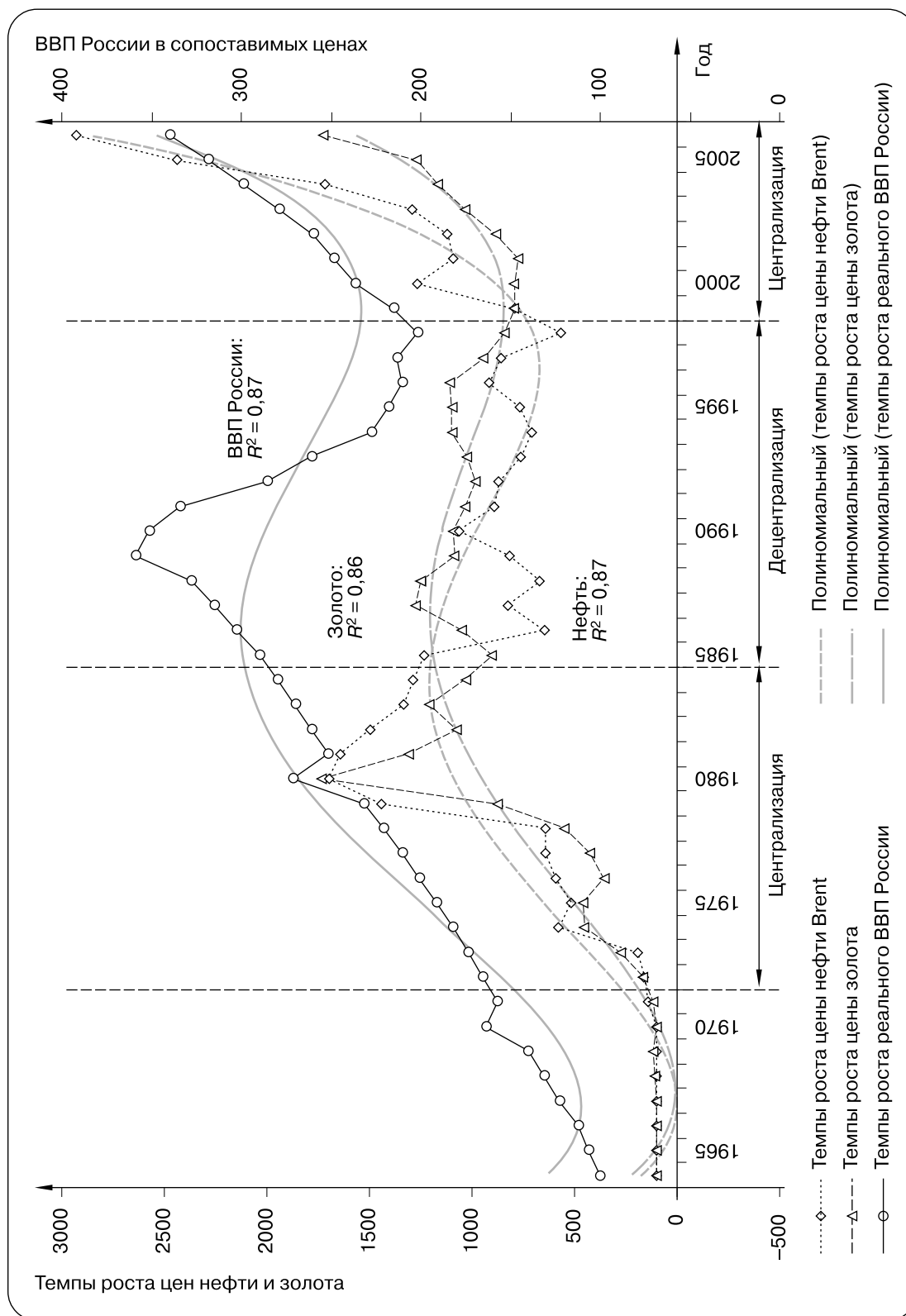

Рис. 1. Динамика трех экономических показателей: цены нефти Brent, реального ВВП, цены золота
 Источники: темпы роста реального ВВП России в 1960–1990 гг. рассчитаны по данным книги В. М. Симчера [Симчера, 2006, с. 322–324], а в 1991–2006 гг. — по официальным данным Росстата; темпы роста цены нефти Brent и золота рассчитаны по показателям из базы данных МВФ.

регрессии линий тренда с фактическими числовыми рядами (R^2) по всем трем индикаторам свидетельствуют о корректности и достоверности приводимых трендов (см. рисунок).

Первый раз маятник слабо качнулся в сторону точки децентрализации в конце 1950-х — начале 1960-х гг. К этому времени появились первые сигналы о проблемах в советской экономике — о замедлении темпов ее роста, накоплении дефицитов и отставании от конкурентов. Остановить маятник было вполне по силам КПСС, которой принадлежали высшая политическая власть и права собственности в СССР. Если бы тогда высшая партийная номенклатура сумела выдвинуть из своей среды агентов модернизации, то модернизация экономики имела бы шанс пойти по китайскому пути созидательной эволюции.

Однако этот шанс был упущен. Косыгинские реформы быстро сошли на нет. В 1971 г. США окончательно сняли с себя обязательства по поддержанию золотого стандарта, отказавшись обменивать запасы долларов у центральных банков на золото по фиксированной цене в 35 долл. за унцию. С этого времени долларовая денежная масса стала стремительно расти, вызывая наряду с другими факторами бурный рост цен на нефть. Рост нефтяных доходов подстегивал рост советской экономики, позволял решать проблемы в социальной сфере, даже вести имперскую войну в Афганистане. О потребностях либерализации экономической и политической системы и модернизации экономики было успешно забыто.

Вновь в сторону децентрализации маятник устремился в середине 1980-х гг., когда цены на нефть и долларовая ликвидность вслед за замедлением роста американской экономики стали падать. Выдвижение М. С. Горбачева было отчасти стремлением партийной номенклатуры

приступить к модернизации. Но время было упущено. Реальная власть и контроль за собственностью на региональном и отраслевом уровнях все больше уходили от КПСС. К тому же модернизировать падающую экономику несоизмеримо сложнее, чем экономику растущую. В середине периода «децентрализации» по мере продолжающегося падения цен на нефть и спада ликвидности наступил крах Советского Союза. Кризис советской экономики, приведший к распаду СССР, его время и формы — все это тесно связано с развитием событий на нефтяном рынке [Гайдар, 2006, с. 81].

Власть в России перешла к новому поколению политиков, не менее половины из которых были выходцами из партийной номенклатуры и силовых органов. Начало 1990-х гг. не было периодом демократии, скорее это был переходный период безвластия. Какая-то часть нового политического режима искренне стремилась к модернизации, однако их попытки достичь успеха на дне экономического кризиса и с пустым бюджетом были обречены на провал. Модный в то время лозунг «Берите полномочий столько, сколько хотите» реально означал лишь желание центра снять с себя ответственность перед гражданами.

Начиная с 1999 г. с ростом цен на нефть маятник устремился к точке централизации. Рента вернулась, в бюджете появились деньги, централизация власти стала выгодным экономическим и политическим проектом. Многие чиновники, носившие одежды демократов, особенно из числа руководителей регионов, убрали их в шкаф и опять стали консерваторами и государственниками. На этой фазе появилась реальная возможность остановить маятник, проведя в жизнь реальные реформы, направленные на освобождение инициативы людей, создание рыночных стимулов модернизации экономики. Однако по мере централизации

власти настроения проводить реформы исчезают, само это слово стало ругательным в коридорах власти. Переживет ли Россия следующую фазу движения маятника? Ответа на данный вопрос не знает никто.

Из всего вышесказанного напрашивается краткий вывод. Агентов модернизации надо искать в стране демократии и рыночных институтов. А для того чтобы Россию, подобно Советскому Союзу, не накрыло волной долгосрочного экономи-

ческого кризиса, строить демократию и рыночные институты необходимо начинать уже сейчас — на волне экономического подъема.

Книга «Агенты модернизации» рекомендуется к прочтению всем, кто стремится узнать больше нового о развитии российской экономики и ее перспективах. Она заставляет думать и спорить, а это так необходимо для появления новых идей. Пока мы спорим, мы остаемся оптимистами.

ЛИТЕРАТУРА

Гайдар Е. Т. 2006. *Гибель империи. Уроки для современной России*. М.: РОССПЭН.

Симчера В. М. 2006. *Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы*. М.: Наука.

Явлинский Г., Брагинский С. 2007. *Стимулы и институты. Переход к рыночной экономике в России*. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ.

Boycko M., Shleifer A., Vishny R. 1996. *Privatizing Russia*. 2nd print. The MIT Press.

*Статья поступила в редакцию
30 марта 2007 г.*